

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ

УДК 330, 338
JEL: E02, E60

**Императивы актуализации и уточнение трактовки сущности
мобилизационной экономики**

Б.В. Салихов, д.э.н., профессор
<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>; *SPIN-код (РИНЦ): 3045-0730*
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

И.С. Салихова, д.э.н., профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5950-7058>; *SPIN-код (РИНЦ): 3009-8750*
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Для цитирования

Салихов Б.В., Салихова И.С. Императивы актуализации и уточнение трактовки сущности мобилизационной экономики // Проблемы рыночной экономики. – 2024. – № 3. – С. 71-80.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-3-71-80>

Аннотация

Статья посвящена верификации необходимости перевода современного отечественного хозяйства на мобилизационные рельсы социально-экономического развития. Выявлены ключевые императивы-факторы актуализации ускоренного развития мобилизационных отношений в нашей стране, среди которых особое место занимают текущие последствия специальной военной операции (СВО), а также новые вызовы угрозы, вызванные как обострением межцивилизационных противоречий, так и требованиями шестого технологического уклада. Предложен логико-гносеологический анализ и обоснованы недостатки существующих трактовок мобилизационной экономики. Показано, что монодисциплинарный подход к проблеме, а также отсутствие должного «человеческого измерения» в понимании данной экономики едва ли способствуют повышению уровня, как исследовательской, так и релевантной научно-практической эффективности. На основе анализа взаимосвязи феноменов «мобилизация» и «экономика», разработана примерная трактовка сущности мобилизационной экономики, под которой понимается экономика, система отношений в рамках которой позволяет обеспечить своевременную актуализацию, а также требуемую комбинацию и высокоэффективное использование имеющихся ограниченных ресурсов и факторов производства для достижения срочных экзистенциальных социально-экономических и иных целей личности, общества и государства.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, мобилизационные рельсы хозяйственного развития, нарастание сложности, шестой технологический уклад, мобилизационная форма человеческого капитала.

**Imperatives of actualization and clarification of the interpretation of the
mobilization economy essence**

Boris V. Salikhov, Dr. of Sci. (Econ.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>; *SPIN-code (RSCI): 3045-0730*
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Irina S. Salikhova, Dr. of Sci. (Econ.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-5950-7058>; *SPIN-code (RSCI): 3009-8750*
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

For citation

Salikhov B.V., Salikhova I.S. Imperatives of actualization and clarification of the interpretation of the mobilization economy essence // Market economy problems – 2024. – No. 4. – Pp. 71-80 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-3-71-80>

Abstract

The article is devoted to the verification of the need to transfer the modern domestic economy to the mobilization rails of socio-economic development. The key imperatives-factors of actualization of the accelerated development of mobilization relations in our country have been identified, among which a special place is occupied by the current consequences of a special military operation (SVO), as well as new threats caused by both the aggravation of inter-civilizational contradictions and the requirements of the sixth technological order. A logical and epistemological analysis is proposed and the disadvantages of existing interpretations of the mobilization economy are substantiated. It is shown that a monodisciplinarity approach to the problem, as well as the lack of a proper "human dimension" in understanding this economy, hardly contribute to increasing the level of both research and relevant scientific and practical effectiveness. Based on the analysis of the relationship between the phenomena of "mobilization" and "economy", an approximate interpretation of the essence of the mobilization economy has been developed, which means an economy, a system of relations within which allows for timely actualization, as well as the required combination and highly effective use of available limited resources and factors of production to achieve urgent existential socio-economic and other goals of the individual, societies and states.

Keywords: *mobilization economy, mobilization rails of economic development, increasing complexity, sixth technological order, mobilization form of human capital.*

Введение

Актуальность статьи заключается в обосновании необходимости перевода отечественной экономики на мобилизационный вектор развития в условиях системного нарастания сложности, вызванного требованиями шестого технологического уклада, императивами высокоэффективной рефлексии новых вызовов и угроз, обусловленных обострением геополитических и геоэкономических противоречий, усиливающейся открытостью и неравновесностью хозяйственного развития (экономической синергетикой), а также текущими и возможными последствиями проведения специальной военной операции (СВО). В связи с этим, критическое значение имеет конкретизация трактовки сущности мобилизационной экономики, а также обоснование примерного контура ее содержания с учетом современных реалий социально-экономического развития нашей страны.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе выявления и характеристики потребностей формирования и развития политэкономических мобилизационных отношений, определить сущность мобилизационной экономики, в трактовке которой в «снятом» виде содержится потенциал ее дальнейшего исследования. Достижение данной цели предполагает решение следующих логически детерминированных и, одновременно, взаимосвязанных творческих задач. *Во-первых*, предполагается четко обозначить императивы ускоренного становления и релевантного развития мобилизационной формы отечественного хозяйства, среди которых «задает тон» технологическая революция в форме множества достижений шестого одноименного уклада. *Во-вторых*, планируется осуществить логико-гносеологический анализ действующих ключевых и наиболее распространенных трактовок мобилизационной экономики, где по-прежнему фиксируется монодисциплинарный и в целом технократический подход к

соответствующей проблеме. *В-третьих*, на основе единого анализа феноменов «мобилизационного» и «экономического», разработать примерный вариант трактовки сущности мобилизационной экономики, имманентным свойством которой должно стать новое «человеческое измерение» как таковых мобилизационных отношений.

Факторы актуализации мобилизационной формы развития современной отечественной экономики

Императив перевода отечественного социума и экономики, включая домохозяйства, в *формат мобилизационного развития* все отчетливее представляется безальтернативным вариантом масштабной, причем не только хозяйственной, но и социокультурной трансформации, что закономерно требует уже не столько комплексного и каузального, сколько системного, междисциплинарного и синергетического подхода к решению данной задачи. Важнейшая проблема, как отмечают современные исследователи (Фонотов А.Г., 1993; 2. Шкодинский С.В., Продченко И.А., 2023), здесь заключается в том, чтобы сохранить национальный суверенитет нашей страны при одновременном обеспечении прогрессивного социально-экономического развития, с фиксируемым и корректно исчисляемым повышением уровня и качества жизни российских домохозяйств, что является естественным основанием устойчивости всей системы социокультурных и политэкономических отношений, хотя и предопределяет необходимость смены действующей неолиберальной парадигмы хозяйственного развития (Бузгалин А.В., 2018).

В исследованиях, проводимых отечественными учеными, предложено четкое обоснование безальтернативного императива перевода экономики страны в формат именно мобилизационного развития (возможно, в формат высокого уровня мобилизационной готовности с ожиданием явного и требуемого мобилизационного эффекта при соответствующем обострении ситуации в мире и стране) (Шкодинский С.В., Салихов Б.В., Хачатурян А.А., Продченко И.А., 2023). *Во-первых*, названное обоснование исходит из целей и задач проведения Россией специальной военной операции (СВО), которая требует все большего объема конечной военной продукции и, следовательно, релевантной мобилизационной мощи как реализованного одноименного потенциала. В этом контексте императив перевода экономики на мобилизационные рельсы объективно предопределяется невысоким исходным уровнем интеллектуального и цифрового развития отечественной промышленности с сохраняющейся отраслевой «архаикой» и поиском «плохой» ренты.

Во-вторых, постоянное расширение санкционных ограничений привело к усиливающемуся ограничению доступа отечественных производителей к международным рынкам капиталов и новейших технологий, что вызывает не только высокую, но и постоянно растущую напряженность во всех сферах отечественной экономики, особенно в отраслях оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Очевидно, что это требует мобилизации соответствующих сил и средств, призванных обеспечить отечественной экономике технологическую самодостаточность. *В-третьих*, мобилизационный вектор развития национального хозяйства и требование высокого уровня его гибкости и мобильности также предопределяется необходимостью защиты союзников от возможных агрессивных действий со стороны недружественных стран, что катализируется нарастанием глобальных вызовов и угроз в форме, прежде всего, мультипликативного обострения геополитических и геоэкономических противоречий, что уже привело к реальному столкновению цивилизаций (Хантингтон, Самюэль, 2020).

В-четвертых, императив становления мобилизационной формы отечественной экономики объективно обусловлен требованиями шестого технологического уклада (Глазьев С.Ю. 2022), который к усиливающимся вызовам и угрозам, определяемым новыми форматами геокультурных, геополитических и геоэкономических трансформаций (Хантингтон, Самюэль, 2020; Валлерстайн Иммануил, 2020) добавил еще релевантный и специфический *акселератор нарастания сложности* в форме экономической синергетики (Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н., 2023). Это обстоятельство требует не только «сдвига» исследовательской парадигмы, но и, возможно, становления ее новой целостности, соответствующей названным выше императивам. Известно, что для формирования новой аналитической модели необходима некая «критическая масса» определенных аномалий (Кун Т., 2009), но именно они и возникают в рамках

современных социально-экономических отношений, требуя релевантной оценки, а также новых аналитических инструментов и методического исследовательского капитала с учетом актуализации мобилизационных отношений и соответствующих институциональных форм.

При этом, несмотря на достаточно полное и основательное исследование проблем, связанных с мобилизационной экономикой, в релевантной литературе, императивы системного и междисциплинарного подхода к соответствующему объектному пространству и предметному ракурсу анализа отмеченного, именно мобилизационного качества хозяйственных отношений нацеливают на новый логико-гносеологический формат выявления их сущности и характеристики соответствующего содержания. Тем более, что нарастание всех форм и видов экономической сложности, требующих адекватной и высокоэффективной рефлексии со стороны определенных субъектов экономической деятельности, едва ли оставляет «шанс» для традиционных, по сути, линейных оценок и интерпретаций мобилизационного качества современной экономики.

Детерминанты нового понимания мобилизационной экономики и одноименных отношений

Как отмечалось ранее, важнейшим интегральным условием и, одновременно, фактором нарастания всех форм и видов сложности современных хозяйственных отношений, непосредственно связанных с мобилизационной экономикой, является *шестой технологический уклад*, непрерывно воссоздающий множество весьма противоречивых последствий для устойчивого социально-экономического национального и международного развития (Глазьев С.Ю., 2022). При этом системный характер названных последствий едва ли полностью учитывается в принимаемых управленческих и воспроизводственных хозяйственных решениях, где по-прежнему преобладает логика либо монодисциплинарных оценок экономики, либо узкое понимание требований нового технологического уклада.

Основное предметное «поле» существующих исследований преимущественно связано лишь с технологическим качеством вещественного капитала при определенной недооценке, мягко говоря, «человеческого измерения» радикальных технологических инноваций. Совершенно очевидно, что при такой недооценке роли и значения субъективных оснований современного этапа технологического и, связанного с ним, социокультурного, институционального и непосредственно хозяйственного развития, проблематика мобилизационной экономики «не дорастает» до требуемого уровня исследовательских усилий и, по сути, остается хронически не разработанной в требуемом формате.

Таким образом, логико-гносеологическое восхождение к сущности мобилизационной экономики, с последующей ее трактовкой, а также разработка и характеристика ее содержательной качественной целостности, *должны осуществляться в рамках названного «человеческого измерения»*, иначе не удастся избежать «ловушки технократизма», где новые технологические отношения априори не являются когерентными по отношению к соответствующим политэкономическим формам. Другими словами, *технологические инновации в сфере совершенствования вещественного капитала должны «вызывать к жизни» новые технологии воспроизводства человеческого капитала* (соответствующих ценностных смыслов, а также новых знаний и компетенций), и только в этом случае резонно рассчитывать на своеобразный «технологический резонанс», когда отмеченные инновации смогут взаимно усиливать воздействие друг на друга. При этом и технологические вещественные, и ценностно-когнитивные человеческие инновации вполне могут и должны иметь определенные декомпозиционные формы (являются предметом специального исследования), которые следует учитывать в процессе выявления сущности и характеристики содержания феномена мобилизационной экономики.

В первом приближении, а также используя положения ряда работ отечественных исследователей (Фонотов А.Г., 1993), *мобилизационная экономика* определяется как «система экономических отношений и мер регулирования, основанная на комплексе мер, направленных на мобилизацию и использование всех доступных экономических ресурсов для обеспечения безопасности и защиты страны в специфических условиях военного конфликта или других экстремальных ситуаций» (Шкодинский С.В., Салихов Б.В., Хачатурян А.А., Продченко И.А., 2023, с. 10). При этом, феномен *мобилизации экономических ресурсов* представляется как

«процесс активации и использования всех доступных ресурсов, включая трудовые, материальные, финансовые и технологические, для достижения определенных экономических целей, таких как повышение производительности, улучшение качества продукции, расширение рынков сбыта и обеспечение экономической безопасности» (Шкодинский С.В., Салихов Б.В., Хачатурян А.А., Продченко И.А., 2023, с. 9). Одновременно с этим, резонно полагать, что мобилизация экономических ресурсов, равно как и непосредственно сама мобилизационная экономика, имеют своей основной целью обеспечение экономической и в целом национальной безопасности, а также одноименного суверенитета страны. Конечно же, это требует релевантной институциональной системы и определенной управленческой парадигмы.

Между тем, приведенные трактовки сущности мобилизационной экономики и мобилизации экономических ресурсов (они являются доминирующими в релевантной литературе), несмотря на их определенную полноту и четкость, едва ли полностью отражают качественную определенность названных категорий. *Во-первых*, мобилизационная экономика и управление мобилизационной экономикой вряд ли должны трактоваться в одном дефиниционном «клубке»: совершенно справедливо то, что мобилизационная экономика есть система специфических экономических (именно мобилизационных) отношений; не менее справедливо и то, что «комплекс мер, направленных на мобилизацию и использование всех доступных экономических ресурсов» есть феномен, относящийся непосредственно к управлению в сфере формирования и реализации мобилизационных отношений. Предполагается, в связи с этим, вполне целесообразным разграничение *мобилизационных экономических и мобилизационных управленческих отношений*, что отнюдь не противоречит давно известным классическим исследовательским программам в современной неолиберальной и эволюционной экономике (Тамбовцев В.Л., 2024).

Существенным оправданием здесь может быть междисциплинарное понимание как таковой экономики, о чем немало сказано в релевантной литературе. В частности, в исследованиях Г.Б. Клейнера (Клейнер Г.Б., 2016; Клейнер Г.Б., 2021), экономика понимается как единство экономической теории, экономической идеологии, экономического управления и хозяйственной практики (собственно бизнес). Если иметь в виду такой подход и к мобилизационной экономике, тогда следовало бы либо ограничиться термином «система экономических отношений», но уже без «мер регулирования», либо включить в трактовку сущности рассматриваемой экономики также экономико-идеологический и экономико-теоретический аспекты. Сказанное, однако, ничуть не умаляет высокого содержательного, хотя и не сущностного, качества приведенного определения, вполне позволяющего «развернуться» в весьма колоритные исследования.

Во-вторых, положение об использовании «всех доступных экономических ресурсов» в процессе и результате мобилизационных мероприятий вполне может оказаться определенной социально-экономической «ловушкой» в том смысле, что феномен *доступности* всегда определяется господствующей политэкономической системой, или моделью хозяйственных отношений. Практика проведения СВО отчетливо показала, что в современной отечественной монетарно-либеральной экономике, основанной на бюрократической власти-собственности, *доступными оказались весьма ограниченные экономические ресурсы*, что не замедлило весьма негативно сказаться не только на обеспечении армии и ОПК всем необходимым, но и порой воссоздает «антимобилизационные» настроения в социуме. Это подтверждается тем, что, например, с начала СВО и по сей день продолжается массированный вывоз капитала из страны в другие юрисдикции; очевидно, что финансовые и другие ресурсы отечественного олигархата вряд ли масштабно и целенаправленно используются на нужды обороны страны и др.

В свете сказанного, *как таковая* мобилизационная экономика есть, по сути, такая система отношений, в рамках которых не только «доступные» экономические ресурсы (подчеркнем, доступность данных ресурсов есть функция характера социально-экономической системы), а все реально существующие в масштабе данной экономики и страны в целом экономические ресурсы непосредственно используются в интересах достижения целей экономической мобилизации. Другое дело, что цели и задачи экономической мобилизации могут быть весьма разнообразными, равно как и сами мобилизационные мероприятия. Например, экономические ресурсы могут, а в современном российском обществе просто должны быть мобилизованы на ускоренное преодоление *бедности и углубляющегося неравенства, предотвращение ускоряющегося*

вымирания коренного населения страны, выравнивание уровней социально-экономического развития регионов, решение жилищной проблемы, обеспечение технологической безопасности и одноименного суверенитета, превращение России в самостоятельной мировой центр силы и многое другое. Очевидно, что для решения названных и других задач социально-экономического развития требуются именно мобилизационные усилия государства и всех субъектов современной отечественной экономики (креативного и политического класса, а также производительных классов социума и др.), хотя речь идет о формах *локальной, а не всеобщей мобилизации* экономических ресурсов и факторов производства.

При этом, в определении сущности мобилизационной экономики резонно отразить именно «пределный случай», характеризующий «потолок» мобилизационных отношений, связанный с решением задач выживания личности и общества, экономики и государства, то есть их устойчивой безопасности и суверенитета, относительно существующих и возможных *экзистенциальных вызовов и угроз*. Именно такие вызовы и угрозы имеют место сегодня, и наша страна пока не может в полном объеме обеспечить уровень мобилизационной экономики, релевантный существующей ситуации, о чем свидетельствует низкий уровень цивилизационной «чувствительности» нации к происходящим событиям. По-прежнему имеет место открытая отдаленность существенной части российского общества от сегодняшних реальных национальных интересов страны, в одиночку противостоящей западной цивилизации (возможно, псевдоцивилизации). Следовательно, мобилизационная экономика априори предполагает использование всех существующих, а не только доступных, экономических ресурсов в интересах обеспечения экономического и в целом национального суверенитета страны.

В-третьих, в рассматриваемой трактовке мобилизационной экономики речь идет об «обеспечении безопасности и защиты страны в специфических условиях военного конфликта или других экстремальных ситуаций», что вполне очевидно и резонно. Между тем, как уже отмечалось, экономическая мобилизация может быть связана и с решением внутренних проблем социального и хозяйственного развития страны, региона и др. Кроме того, обеспечение безопасности и защита страны связаны отнюдь не только со специфическими условиями «военного конфликта», но и непосредственно с войной, что, естественно, выходит далеко за рамки просто конфликта, и это не «игра слов», а констатация весьма существенного различия соответствующих условий и форм экономической мобилизации. Главное, однако, заключается в том, что отмеченное обеспечение безопасности страны возникает не как следствие войны либо одноименного конфликта, и не как функция некой «экстремальной ситуации».

В свете сказанного, важно подчеркнуть, что *мобилизационная экономика должна иметь место в любое время и при любых обстоятельствах*, даже если мирное развитие страны гарантировано на долгие годы вперед, а внутренние социально-экономические «экстремальные ситуации» давно нашли свое мобилизационное и иное решение. Просто речь должна идти о мобилизационном потенциале и одноименной готовности как конкретном элементе мобилизационной экономики. Сказанное означает, что мобилизационная экономика есть категория устойчивая, а для российской действительности (в прошлом, настоящем и будущем) еще и актуальная, причем в постоянно нарастающей степени. Очевидно, что в рамках кратко рассмотренных элементов общей трактовки мобилизационной экономики эндогенно не содержится вся полнота ее качественной целостности, хотя и такое ее понимание (равно как и множество других подобных трактовок) вполне позволяет проводить весьма продуктивные исследования.

Конкретизация трактовки сущности мобилизационной экономики

В данной статье авторы предпринимают новую попытку логико-гносеологического анализа мобилизационной экономики как специфического явления, причем, как отмечалось, с учетом новых реалий и общего нарастания всех форм и видов сложности. Содержание данного анализа заключается в следующих основных положениях. Прежде всего, в определении сущности мобилизационной экономики целесообразно исходить из *онтологии как мобилизационного, так и экономического феноменов*. Прежде всего под термином «мобильность» в классической литературе всегда понималась «подвижность, способность к

быстрому передвижению, действию»¹. В более расширительном ракурсе мобильность трактуется еще как «способность быстро ориентироваться в обстановке, находить нужные формы деятельности»², что нацеливает на формирование соответствующих управленческих свойств у субъектов, отмеченного ранее «передвижения и действия». Из характеристики феномена мобильности следует, что именно скорость, быстрота (фактор времени) и точность принятия релевантных решений (фактор адекватности) являются важнейшими свойствами мобильности: *решения и действия должны осуществляться быстро и в соответствии с требованиями обстановки*. Применительно к хозяйственной действительности, речь идет о подвижности и всегда определенной скорости перемещения соответствующих ресурсов и факторов производства при одновременном поиске и нахождении неких требуемых форм общественного (индивидуального, отраслевого, регионального и др.) воспроизводства.

Далее, наряду с мобильностью резонно выделить феномен «мобилизационной готовности», характеризующей некий перечень *заранее принятых предполагаемых* решений и действий, которые «не сходят с повестки дня» и служат перманентными мерами предосторожности перед лицом ближайших и потенциальных вызовов и угроз. Речь здесь может идти о превентивно разрабатываемых планах и программах своевременного приведения в требуемое движение всех видов ресурсов и факторов производства, причем всякий раз исходя из конкретных форм нарастания сложности. Названный феномен наиболее четко, одновременно, актуализировался и проявился в условиях СВО, когда далеко не все хозяйственные, социальные, административные, институциональные и многие другие организации и структуры показали высокий уровень мобилизационной готовности, что весьма болезненно сказалось на всех последующих мероприятиях, связанных с решением конкретных задач не только собственного военного, но и хозяйственного, а также социокультурного, политико-идеологического, организационно-управленческого и иного обеспечения проводимой военной операции.

Отмеченные онтологические качества как таковой мобильности и мобилизационной готовности обнаруживают себя в феноменологии термина «мобилизация», под которой понимается «приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели»³, или «проведение необходимых мероприятий по концентрации средств и ресурсов для достижения поставленной цели»⁴. Важно отметить, что если мобильность и мобилизационная готовность представляют собой определенное *состояние*, заключающее в себе некий потенциал возможных решений и действий, то мобилизация есть *процесс*, в ходе которого отмеченное состояние актуализируется и принимает форму, параметры которой изначально задаются соответствующим субъектом. Резонно полагать, что названный *целевой функционал* может состоять в термине «мобилизованный», то есть в том, что выражает результат, определенную силу, или мощность мобилизованных средств и ресурсов. Таким образом, система как таковых *мобилизационных отношений* в социуме и его экономике включает отношения в соответствующих рамках *состояния, процесса и проекта (результата)* релевантных мобилизационных форм.

Далее, феномен «экономического» в логико-гносеологическом анализе мобилизационной экономики весьма важен, прежде всего, такими своими *двумя* критическими характеристиками, как наличие *редкости* мобилизационных ресурсов, а также бытие реальной возможности *выбора* наилучшей альтернативы их сочетания при достижении поставленной цели мобилизации. Отсутствие хотя бы одного из названных свойств «размывает» и сводит на нет явление «экономического», оставляя лишь некое «хозяйственное» отношение, или неэкономическое хозяйство. Причем важно подчеркнуть, что *экономический характер мобилизационных отношений и взаимодействий должен обнаруживаться на всех этапах и в любых формах данных отношений*. Другими словами, феномены «мобилизационного» и «экономического» должны быть равновесны и когерентны на каждом этапе движения системы от состояния и

¹ Советский Энциклопедический словарь. 3-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1985. С. 816.

² Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. С. 497.

³ Советский Энциклопедический словарь. 3-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1985. С. 816.

⁴ Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. С. 497.

способности до ожидаемой формы мобилизационной экономики. Априори резонно полагать, что речь неявно идет о весьма сложной и противоречивой управленческой задаче.

Теперь *мобилизационную экономику можно определить как экономику, система отношений в рамках которой позволяет обеспечить своевременную актуализацию, требуемую комбинацию и высокоэффективное использование имеющихся ограниченных ресурсов и факторов производства для достижения срочных экзистенциальных социально-экономических и иных целей развития личности, общества и государства.* При этом цель мобилизационной экономики может заключаться далеко не только в сфере решения задач обороноспособности и повышения военно-промышленного потенциала страны, как это было, например, в годы Великой отечественной войны советского народа с германским и западноевропейским фашизмом в прошлом веке. Всемирная и масштабная мобилизация экономических ресурсов может также иметь целью, как отмечалось, ускоренное развитие регионов страны, подъем наиболее значимых секторов национального хозяйства при одновременном преодолении технологической отсталости, ликвидацию бедности при преодолении крайних форм неравенства, кардинальное решение жилищной проблемы и многое другое. В связи с этим, экономическая мобилизация может быть всеобщей (например, мировые экономические ресурсы мобилизуются на преодоление планетарной экологической катастрофы), общей, или национальной, частичной, или локальной, связанной с решением каких-либо местных и даже краткосрочных задач.

Предполагается, что есть определенный резон в том, чтобы отмечать не только «мобилизацию экономических ресурсов», но, именно с точки зрения мобилизационной готовности, подчеркивать *факторную основу данной готовности*, имея в виду уже действующую совокупную факторную производительность, с которой в отечественной экономике не все обстоит, мягко говоря, благополучно (Абрамов А.Е., Джаохадзе Е.Д., Радыгин А.Д., Чернова М.И. 2023; Бессонова Е.В., 2018). Данное замечание носит принципиальный характер, поскольку ресурсный потенциал все в меньшей степени свидетельствует об уровне мобилизационной готовности экономики и ожидаемом качестве предполагаемых мобилизационных мероприятий в рамках национального и регионального хозяйства. Наиболее полно об этом может свидетельствовать лишь система факторов производства, то есть *актуализированные экономические ресурсы и непосредственно задействованные в создании требуемых благ*, в том числе и военного, а также военно-экономического назначения. Мобилизационная готовность как раз и фиксирует предполагаемую и возможную *скорость «факторизации» ресурсов*, а не бухгалтерское исчисление объемов ресурсного богатства или одноименных запасов страны.

Важно также отметить, что в рамках *факторного обеспечения мобилизационной экономики*, следует четко позиционировать *мобилизационную форму человеческого капитала*, причем априори именно в междисциплинарном, а не только профессиональном ключе. Проблема заключается в том, что многие решения и действия в сфере трансформации мобилизационных отношений, в частности, мероприятия по переводу национального хозяйства на мобилизационный формат функционирования, чаще всего являются весьма непопулярными, требующими ощутимых, порой болезненных преобразований, которые весьма негативно отражаются на множестве личных и частных интересов. Речь идет, прежде всего, об ограничениях в правах собственности, а также в политических и экономических свободах, существенном изменении распределительных отношений (часто в сторону неоднократного повышения налоговых ставок и др.), сокращении финансирования программ социального развития. Кроме того, могут возникать инфляционные и стагфляционные эффекты, резко падать уровень жизни большинства домохозяйств, обостряться межрегиональные и межотраслевые противоречия и многое другое (Roberts К.М., 2018).

Названные и иные негативные последствия проводимых мероприятий могут привести к деструкции институционального доверия, подрыву мотивации ряда категорий собственников к наращиванию инвестиций в сферы экономики, соответствующие императивам развития мобилизационных отношений. Поэтому необходимо, прежде всего, всесторонне и «точно» оценивать текущие и потенциальные последствия мобилизационных мероприятий и сознательно стремиться к *динамическому равновесию* между обеспечением национальной и экономической безопасности страны и сохранением социальной стабильности и социокультурной устойчивости. Для решения отмеченной задачи резонно целенаправленно формировать в обществе

мобилизационно-экономический менталитет, призванный обеспечить нравственную, морально-этическую готовность и, возможно, потребность каждой личности и домохозяйства в сознательном лишении себя привычного объема материальных благ в интересах обеспечения высокой эффективности всего перечня мобилизационных мероприятий.

Заключение: приглашение к дискуссии

Становится все более очевидным, что перевод современной российской экономики на *мобилизационные рельсы*, то есть на ценностно-смысловые, социальные, институциональные, инвестиционно-ресурсные и иные условия и факторы функционирования, релевантные требованиям решения критически значимых, жизненно важных задач жизни и деятельности страны (личности, социума, государства и др.), все в большей степени приобретает черты теоретико-методологической и научно-практической реальности. В настоящее время к отмеченным требованиям относится, прежде всего, *сохранение российской цивилизационной идентичности при одновременном обеспечении национального, экономического и технологического суверенитета страны* в условиях все более ожесточенного противостояния с коллективным Западом в формате действующих и возможных прокси-войн, а также масштабных санкций и множества других препятствий устойчивому и свободному развитию нашего общества.

В связи с этим, резонно полагать, что для высокоэффективного решения задач развития мобилизационной экономики необходима *мобилизационная модель человеческого капитала*, причем не только производительного (в традиционном понимании), но также релевантного управленческого, политико-идеологического, институционального и др. Очевидно, что это требует самостоятельного исследования, и в данной статье авторы лишь подчеркивают императивный характер нового «человеческого измерения» современных мобилизационных отношений, прежде всего, для отечественного хозяйства. Данная проблематика тем более является критически важной в ситуации реальной «перспективы» тотального перевода отечественной экономики на мобилизационный вектор развития, в силу складывающейся геополитической и геоэкономической ситуации в современном мире.

Литература / References

1. Фонотов А.Г. (1993) *Россия: от мобилизационного общества к инновационному*. М., Наука, 271с. [Fonotov A.G. (1993) *Russia: from a mobilization society to an innovative one*. М., Science, 271с.]
2. Шкодинский С.В., Продченко И.А. (2023) “Мобилизационная экономика: её возможности и ограничения в обеспечении устойчивого развития России в условиях санкционных вызовов коллективного Запада”, *Проблемы рыночной экономики*, № 1. С. 48–67. [Shkodinsky S.V., Prodchenko I.A. (2023) “Mobilization Economy: Its Potential and Limitations in Ensuring Russia’s Sustainable Development in the Context of Sanctions Challenges from the Collective West”, *Problems of Market Economy*, no. 1. pp. 48–67.]
3. Бузгалин А.В. (2018) “Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса)”, *Вопросы экономики*, № 2, С. 122-142. [Buzgalin A.V. (2018) “The Decline of Neoliberalism (on the 200th Anniversary of Karl Marx’s Birth)”, *Questions of Economics*, no. 2, pp. 122-142.]
4. Шкодинский С.В., Салихов Б.В., Хачатурян А.А., Продченко И.А. (2023) *Национальный суверенитет России в парадигме мобилизационной экономики и цивилизационной безопасности: Монография*, Москва, РУСАЙНС, 152 с. [Shkodinsky S.V., Salikhov B.V., Khachatryan A.A., Prodchenko I.A. (2023) *National sovereignty of Russia in the paradigm of mobilization economy and civilizational security: Monograph*, Moscow, RUSAINS, 152 p.]
5. Хантингтон, Самюэль. (2020) *Столкновение цивилизаций*, Москва, Издательство АСТ, 640 с. [Huntington, Samuel. (2020) *Clash of Civilizations*, Moscow, AST Publishing House, 640 p.]
6. Глазьев С.Ю. (2022) *За горизонтом конца истории: Монография*, Москва, Проспект, 416 с. [Glazyev S.Yu. (2022) *Beyond the horizon of the end of history: Monograph*, Moscow, Prospekt, 416 p.]

7. Валлерстайн Иммануил. (2020) *Анализ мировых систем*, М., УРСС: ЛЕНАНД, 400 с. [Wallerstein Immanuel. (2020) *Analysis of World Systems*, М., URSS: LENAND, 400 p.]
8. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2023) *Экономика как синергетическая система*, М., ЛЕНАНД, 272 с. [Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2023) *Economy as a synergetic system*, М., LENAND, 272 p.]
9. Кун Т. (2009) *Структура научных революций*, М., АСТ МОСКВА, 317 с. [Kuhn T. (2009) *The structure of scientific revolutions*, М., AST MOSCOW, 317 p.]
10. Тамбовцев В.Л. (2024) “Что в экономике эволюционирует?” *Вопросы экономики*, № 4, С. 5-24. [Tambovtsev V.L. (2024) “What is evolving in the economy?” *Questions of Economics*, no. 4, pp. 5-24.]
11. Клейнер Г.Б. (2016) “Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть II”, *Вопросы экономики*, № 1, С. 117–139. [Kleiner G.B. (2016) “Stability of the Russian Economy in the Mirror of Systemic Economic Theory. Part II”, *Questions of Economics*, no. 1, pp. 117–139.]
12. Клейнер Г.Б. (2021) *Системная экономика: шаги развития*, М., Научная библиотека, 746 с. [Kleiner G.B. (2021) *Systemic Economy: Development Steps*, М., Scientific Library, 746 p.]
13. Абрамов А.Е., Джаохадзе Е.Д., Радыгин А.Д., Чернова М.И. (2023) “Совокупная факторная производительность российских компаний: оценки, тренды и факторы динамики”, *Вопросы экономики*, № 11, С. 5-28. [Abramov A.E., Dzhakhadze E.D., Radygin A.D., Chernova M.I. (2023) “Total factor productivity of Russian companies: estimates, trends and dynamics factors”, *Questions of Economics*, no. 11, pp. 5-28.]
14. Бессонова Е.В. (2018) “Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009-2015 гг.)”, *Вопросы экономики*, № 7, С. 96-119. [Bessonova E.V. (2018) “Analysis of the dynamics of total factor productivity at Russian enterprises (2009-2015)”, *Questions of Economics*, no. 7, pp. 96-119.]
15. Roberts K.M. The mobilization of opposition to economic liberalization // *Annu. Rev. Polit. Sci.* 2008. no. 11. pp. 327-349.

Об авторах

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем рынка РАН, Москва; главный научный сотрудник Экспертно-аналитического центра, Москва.

Салихова Ирина Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва; профессор кафедры финансового учета Московского университета им. С.Ю. Витте, Москва.

About authors

Boris V. Salikhov, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research of the Market Economy Institute of RAS, Moscow; Chief Researcher, Expert and Analytical Center, Moscow.

Irina S. Salikhova, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow; Professor, Department of Financial Accounting, Moscow University named after S.Y. Witte, Moscow.